

12+

АЛЕКСАНДР ЛОГВИНОВ

КНИГА ДЛЯ ТЕХ, КТО НЕ НАВИДИТ ЧИТАТЬ

РОМАН

Александр Логвинов

**Книга для тех, кто
ненавидит читать**

«Издательские решения»

Логвинов А.

Книга для тех, кто ненавидит читать / А. Логвинов —
«Издательские решения»,

Василий Васильевич не любит читать. Однажды это едва не стоит городу библиотеки. Теперь ему придётся спасать книги, которых он не открывал, и слушать людей, которых привык сокращать до сути. Смешной и тёплый роман о жизни, которую не получится прочитать по диагонали.

© Логвинов А.

© Издательские решения

Содержание

От автора	6
1 Специалист по краткости	7
2 Библиотека с правом на стул	9
4 Право на исправление	13
5 Чемпион по переворачиванию страниц	15
6 Вес одного слова	17
7 Комната забытых голов	19
8 О чём был непонятный абзац	21
9 Слишком удобное доказательство	23
10 Тетрадь с квитанциями	25
11 Чтение без показателей	27
12 Инструкция к человеку не прилагается	29
13 Галина Егоровна ошибается	31
15 Неделя вместо вечера	34
16 Чужой голос	36
17 Домашняя работа для унитаза	38
19 Восемь коробок отсутствия	41
20 После бессонной ночи	43
22 Победа с неоплаченным счётом	46
23 Что стоит бесплатный стул	48
24 Список прочитанного имущества	50
25 Краткое содержание чужой ошибки	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Книга для тех, кто ненавидит читать

Александр Логвинов

© Александр Логвинов, 2026

ISBN 978-5-0071-3804-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Александр Логвинов

**Книга для тех,
кто ненавидит читать**

Роман о людях, словах

и праве не понимать с первого раза

От автора

В этой книге есть библиотека, которую собираются освободить от читателей, специалист по краткости, не умеющий коротко извиняться, и несколько людей, чьи отношения с печатным словом сложились непросто. Город, учреждения и действующие лица вымышлены. Исследования, о которых говорят герои, существуют, но герои не становятся правыми от одного упоминания учёных.

Здесь можно задержаться на истории, пропустить разговор или вернуться к непонятному месту. В конце никто не проверяет скорость. Ключи от вашей жизни остаются у вас.

1 Специалист по краткости

За день до того, как библиотека перестала существовать на бумаге, Василий Васильевич Васильев сократил слово «пожалуйста».

Слово стояло в инструкции к электронному талону: «Пожалуйста, дождитесь вызова вашего номера». Василий оставил: «Ждите». Потом подумал и написал: «Ожидайте». У второго варианта было на три буквы больше, зато в нём чувствовалось учреждение.

Василий работал в Отделе понятности городской администрации. Отдел занимал три кабинета, из которых два были закрыты на инвентаризацию, а в третьем не открывалось окно. На двери висела табличка: «По вопросам доступности информации обращаться в соседнее здание». Это была не шутка. Соседнее здание имело пандус.

В обязанности Василия входило превращать документы в тексты, которые могли бы прочитать люди, уже имевшие дело с документами и потому не питавшие надежд. Он убирал «в целях осуществления», заменял «производить оплату» на «платить», а однажды сократил девять страниц до одной. Девять страниц посвящались экономии бумаги. Автор обиделся и распечатал жалобу в семи экземплярах.

У Василия была хорошая профессиональная репутация. За пятнадцать лет он не упростил ни одной мысли настолько, чтобы её можно было применить против начальства. В администрации это считалось высшей формой ясности.

Книги он не любил.

Не все. Такой ненависти требовалось бы время, которого не было. Он не любил книги, которые начинались с объяснения, почему их обязательно нужно прочитать. Не любил книги с вопросами в заголовках, на которые автор отвечал через триста страниц. Не любил литературные пейзажи, где у каждого дерева была биография, а человек три главы искал калитку.

Впрочем, его отношение к чтению было сложнее, чем он рассказывал. На кухонной полке у него стоял старый сборник рассказов с выпавшей обложкой. Василий никогда не убирал его в шкаф, хотя не открывал уже восемь лет. Между страницами лежал лист в клетку. На листе начиналось письмо отца.

Каждую субботу Василий протирал полку, поднимал книгу, стирал под ней пыль и ставил обратно. В каком-то смысле он читал её регулярно. Просто руками.

В тот четверг начальница отдела, Зоя Семёновна, принесла ему папку с надписью «Живая библиотека».

— Культурное переустройство, — сказала она. — Нужна человеческая версия.

— Для людей или о людях?

— Пока для согласования.

Это уточнение многое объясняло.

Проект предлагал преобразовать районную библиотеку на улице Речной в Центр быстрого доступа к смыслу. Вместо полок должны были появиться экраны, вместо читального зала — зона краткого пребывания, вместо библиотекарей — консультанты по пользовательскому маршруту. Полные тексты сохранялись. Правда, на внешних площадках. В каком виде и за чей счёт — об этом сообщалось в приложении.

Василий прочёл первые восемь страниц. На девятой появилось выражение «динамическая декомпозиция культурного запроса», и он пошёл за кофе.

У кофемашины стоял Андрей Аркадьевич Павлов, руководитель проекта. Высокий, гладко выбритый, с лицом человека, который однажды успешно представил себя и с тех пор придерживался утверждённой версии.

— Главная проблема библиотек, — сказал Павлов, — в том, что туда не ходят.

— Я тоже к вам домой не хожу, — ответил Василий. — Но пока против сноса.

Павлов улыбнулся. Он умел относиться к чужому юмору как к предварительной поддержке.

— Людям нужен быстрый результат. Они устают. Мы убираем барьер.

Эта мысль Василию понравилась. Он сам ежедневно упирался в барьеры, построенные из придаточных предложений. Убрать хотя бы один казалось приличным делом.

К обеду он подготовил краткую справку: «Библиотека сохранит доступ к литературе, расширит цифровые возможности и станет удобнее для жителей».

Слово «сохранит» он взял из пояснительной записки. «Расширит» — из презентации. «Станет удобнее» добавил самостоятельно, потому что люди обычно желали удобства, а не расширения возможностей.

Приложение №4 он не прочёл.

Не из лени. Он отложил его до уточнения итоговой редакции. Это была формулировка, позволяющая лени поступить на государственную службу.

Вечером позвонила дочь.

— Пап, ты библиотеку закрываешь?

— Нет.

— У тебя фамилия на объявлении.

— Это не значит, что я что-то закрываю.

— Там написано: разъяснения подготовил Васильев В. В.

Василий придвинул к себе папку.

— Катя, это модернизация.

— Хорошо. Ты её модернизируешь в отсутствие?

Дочери было девятнадцать. Она училась на промышленного дизайнера, подрабатывала в мастерской и обладала неприятной для родителя способностью спрашивать ровно о том, чего он не хотел объяснять.

— Я разберусь, — сказал Василий.

— Только прочитай сначала.

Он хотел ответить, что чтение вообще-то его профессия. Но Катя уже положила трубку, и пришлось доказывать это самому себе.

В приложении №4 стояло: «Высвобождение помещений осуществляется путём перемещения основного фонда на распределённое хранение».

Василий читал медленно. Впервые за день эта скорость показалась ему уместной.

«Сроки предоставления отдельных единиц фонда определяются наличием транспортной доступности».

Он дочитал до конца. Потом вернулся к началу.

За окном работник коммунальной службы сдувал листья с газона на дорожку. Второй работник сметал их с дорожки на газон. Их сотрудничество было безупречным.

Василий открыл свою справку и посмотрел на фразу «сохранит доступ».

Доступ сохранялся примерно так, как сохраняется возможность поговорить с человеком, который сменил номер и уехал в неизвестном направлении.

На документе уже стояла отметка «Опубликовано».

2 Библиотека с правом на стул

На следующее утро Василий отправился на Речную.

Библиотека занимала первый этаж серого дома, который не участвовал в архитектурных конкурсах и поэтому хорошо старел. Под окнами росли липы. На ступеньке сидел мальчик и завязывал шнурок с таким сосредоточенным раздражением, какое взрослые обычно оставляют для налоговой декларации.

— Здесь директор? — спросил Василий.

— Здесь все, — ответил мальчик. — Пока.

Внутри пахло мокрой шерстью, бумагой и батареей, на которой сушили варежки. Этот запах Василий знал с детства, но давно не встречал в местах, где от него ничего не хотели.

За стойкой сидела женщина с короткими седыми волосами. Она подшивала лист, прижимая его линейкой. На столе лежала раскрытая книга, рядом — отвёртка.

— Галина Егоровна?

— Если о крыше, заявление уже отправлено. Если о туалете, мастер будет после двух. Если о культуре, я сейчас освобожусь.

— Васильев. Администрация.

Женщина подняла глаза.

— А, человеческая версия.

Он почувствовал, что его должность только что перестала помещаться в трудовую книжку.

— Я пришёл уточнить.

— Какое хорошее слово. Обычно к нам приходят внедрять.

Галина Егоровна показала ему зал. За длинным столом сидела пожилая женщина с ноутбуком. У окна мужчина в рабочей куртке выписывал что-то из справочника. Девочка листала комикс. Двое подростков тихо ругались над задачей. Третий внимательно слушал их и ел яблоко, выполняя функцию независимого наблюдателя.

— Посещаемость не очень высокая, — осторожно сказал Василий.

— Сейчас половина десятого.

— Я имею в виду в целом.

— Вы в целом уже были. Теперь побудьте конкретно.

Женщина с ноутбуком подняла руку.

— Галина, тут просят придумать надёжный пароль. У меня муж был ненадёжный. Подойдёт его фамилия?

— С цифрами, Раиса Семёновна.

— Годы жизни?

— Лучше браков.

Раиса Семёновна задумалась с профессиональным интересом.

Василий невольно улыбнулся.

Галина Егоровна подвела его к стеллажу, где на нижней полке лежали книги с крупным шрифтом. Потом к столу с увеличительной лампой. Потом к креслу возле батареи.

— А это что за специальное место? — спросил он.

— Стул.

— Я вижу.

— Значит, описание удалось.

Он уже собирался пошутить в ответ, но библиотекарь продолжила:

— Здесь можно сидеть, не покупая кофе. К нам приходит человек, у которого в общежитии пятеро в комнате. Здесь готовится женщина, которая меняет профессию. Здесь пенсионер

читает газету, потому что дома от телевизора трудно спрятаться даже телевизору. Вы можете назвать это неэффективным использованием площади. Но сначала попробуйте найти другой тёплый стул, за который человек никому ничего не должен.

Василий оглядел зал заново. Ничего не изменилось: столы, свет, люди. Но прежняя картина почему-то не возвращалась.

— Я не предлагаю всё закрыть.

— Ваш текст предлагает не беспокоиться.

Это было хуже обвинения. На обвинение можно ответить намерением. Здесь обсуждался результат.

Галина Егоровна достала из папки два листа.

На первом был план проекта. На втором — список жителей, которым библиотекарь помогала за последнюю неделю. Без фамилий. «Распечатать направление». «Найти рассказ, который читала мама». «Разобраться в инструкции к слуховому аппарату». «Подготовить презентацию». «Посидеть».

— Последнее вы тоже учитываете? — спросил Василий.

— А вы?

Он положил лист обратно.

В дальнем углу упала книга. Мальчик со шнурком поднял её, провёл ладонью по обложке и виновато посмотрел на Галину Егоровну.

— Она сама, — сказал он.

— У нас многие сначала сами. Потом привыкают.

Василий захотел уйти. Не потому, что ему не понравилось. Наоборот. Место, которое нравилось, сильно осложняло редактирование его ликвидации.

— Что я могу сделать?

Галина Егоровна посмотрела на него без торжества.

— Для начала напишите, что вы не проверили условия хранения и выдачи. Там, где опубликовали справку.

— Это вызовет вопросы.

— Представьте себе.

— Мне нужно согласовать.

— Согласуйте. А потом приходите в субботу. У нас будет собрание.

— Читательское?

— Человеческое. Для читательского надо хотя бы заранее прочитать тему.

Выходя, Василий заметил объявление: «Клуб тех, кто не дочитал. По субботам. Приносить книгу необязательно».

Он остановился.

— Это серьёзно?

— Да, — сказала Галина Егоровна. — Несерьёзно у нас только отчёт о вовлечённости.

3 Члены клуба без членских взносов

В субботу пришло девять человек, если считать Василия, и восемь, если считать желающих.

Сначала все молчали. Василий решил, что это очень хороший клуб: его ожидания оправдывались уже на вводном этапе.

Галина Егоровна поставила на стол чайник.

— Рассказывайте, кто с чем.

— Я без книги, — быстро сказал Василий.

— Это заметно. Но не преступно.

Первым заговорил мужчина в рабочей куртке. Звали его Александр. Он чинил лифты, умел слушать механизм по звуку и считал описание звуков в романах нарушением профессиональной этики.

— Начал одну книгу про счастье. Там в первой главе советуют перестать общаться с людьми, которые тянут вниз. У меня лифт. Я не могу так избирательно работать.

Женщина напротив засмеялась. Это была Ирина Валерьевна, психолог из соседнего колледжа. Она изучала обучение, преподавала будущим педагогам и выглядела как человек, которому уже предлагали определить характер по цвету кружки.

— Я принесла учебное пособие, — сказала она. — Бросила, когда автор сообщил, что человек использует десять процентов мозга. Остальными девяноста он, видимо, написал предисловие.

— А сколько использует? — спросил мальчик со шнурком.

— Это не бак с отметками. Разные задачи связаны с разной работой мозга. Сама формулировка устроена плохо.

— То есть вопрос глупый?

— Нет. Вопрос хороший. Объяснение, которое тебе продали, плохое.

Мальчика звали Серёжа. Ему было четырнадцать, и он пришёл потому, что дома его заставляли читать вслух сестре, а сестра требовала выразительности. Серёжа считал, что у шестилетнего человека неоправданно высокая режиссёрская планка.

Ещё были Раиса Семёновна, водитель автобуса Андрей, студентка Вика, сотрудник страховой компании Анатолий Петрович и Катя.

— Ты что здесь делаешь? — спросил Василий у дочери.

— Сiju. Это пока разрешено.

— Ты могла предупредить.

— Тогда ты бы подготовил родительскую версию.

Андрей достал небольшую книгу в мягкой обложке.

— Мне жена подарила. Говорит: почитай, там мужчина наконец понял женщину. Я дошёл до середины. Мужчина умер. Не знаю, продолжать ли образовательную программу.

Смеялись уже свободнее.

Галина Егоровна не просила никого назвать любимого автора. Василий был ей за это благодарен. Он знал, как выглядят культурные проверки: человек только сел, а его уже допрашивают о Достоевском. Как будто между наличием пальто и умением жить обязательно должен стоять Раскольников.

— А вы? — спросила Вика.

Василий понял, что обращаются к нему.

— Я читаю по работе. Много. После этого не хочется.

— Что именно не хочется?

— Букв.

Александр кивнул с пониманием. После дня в шахте ему тоже не хотелось ещё одной шахты, даже художественно убедительной.

Ирина спросила, всегда ли так было.

— Не знаю, — ответил Василий.

Это оказалось необычно. Обычно он говорил, что всегда. «Всегда» удобно тем, что не требует проверять прошлое.

Он вспомнил отца за кухонным столом. Тот читал газету, держа её над тарелкой, и кусочек хлеба иногда оставался между страницами. Вспомнил, как отец смеялся над рассказом и звал его послушать. Вспомнил своё раздражённое «потом». Потом у него был институт. Потом работа. Потом ребёнок. Потом не стало человека, который звал.

— В детстве, наверное, было иначе, — сказал Василий.

Никто не стал немедленно делать из этого вывод.

Ему понравилось ещё больше.

На стол легла папка проекта.

— Нас не спасёт число прочитанных книг, — сказала Галина Егоровна. — И красивое фото с молодёжью тоже. Через месяц будет открытое обсуждение. Нужно показать, что именно здесь происходит и что исчезнет после переезда фонда.

— Я могу сделать презентацию, — предложила Катя.

— Я — проверить расчёт, — сказал Анатолий Петрович.

— Я — стулья, — сказал Александр.

— А я? — спросил Серёжа.

— Ты можешь сказать, зачем сюда приходишь.

— Чтобы сестра не нашла.

— Вот с этого и начнём.

Василий посмотрел на папку. Ему вдруг стало ясно, что он умеет сокращать чужую речь значительно лучше, чем выслушивать её.

— Я прочту весь проект, — сказал он.

— До конца? — спросила Катя.

— До условий.

Она улыбнулась. Впервые за эти дни без защиты.

Позже, когда все разошлись, Ирина задержалась у двери.

— Вы не обязаны полюбить книги, чтобы помочь библиотеке.

— А что обязан?

— Ничего из того, что я сейчас успела узнать. Но вам, кажется, важно исправить ошибку.

Он хотел возразить, что это не совсем его ошибка. Потом представил, сколько слов потребуется, чтобы объяснить разницу, и решил на этот раз обойтись без сокращений.

— Да, — сказал Василий. — Важно.

4 Право на исправление

В понедельник Василий пришёл на работу раньше Зои Семёновны и написал исправление.

«В опубликованной справке неточно описаны последствия проекта. Доступ к полному книжному фонду на прежнем месте не сохраняется. Условия доставки из хранилища пока не определены».

Он перечитал три предложения. В них не было ни одной конструкции, за которой можно спрятаться. Текст казался неприлично раздетым.

Зоя Семёновна прочла и сняла очки.

— Вы решили нас всех подставить?

— Я решил исправить свою справку.

— Справка ведомственная.

— Ошибка тоже.

Начальница постучала дужкой по столу. У неё был не тяжёлый характер, а тяжёлое расписание. К одиннадцати она должна была согласовать три документа, ответить на две жалобы и объяснить заместителю, почему понятность не измеряется количеством слогов.

— Пишите мягче.

Василий написал: «В связи с уточнением ряда положений...» — и остановился.

Именно с этих слов обычно начиналось исчезновение виновного.

— Человек прочитает и не поймёт, что прежняя информация неверна.

— А если поймёт слишком хорошо?

Они посмотрели друг на друга.

Зоя Семёновна вздохнула.

— Ладно. Уберите «неточно». Поставьте «неполно».

— Это разные вещи.

— Знаю. Поэтому и прошу.

Он впервые увидел, что начальница не заблуждалась. Она делала выбор. От этого спор стал труднее. Гораздо удобнее, когда человек говорит ерунду, потому что ничего не понимает. Тогда остаётся надежда на объяснение.

— Я подпишу своим именем, — сказал Василий.

— Оно и так там стоит.

В коридоре хлопнула дверь, затем кто-то громко потребовал тишины. В администрации это был распространённый способ участия в шуме.

— Отправьте мне, — сказала Зоя Семёновна. — Я подумаю.

Весь день Василий работал с чужими текстами и думал о трёх собственных предложениях. Исправить формулировку оказалось значительно легче, чем публично признать необходимость исправления.

Вечером пришёл ответ Павлова.

«Предлагаю не создавать преждевременных негативных ожиданий. Все спорные вопросы будут сняты в процессе реализации».

Василий набрал: «Каким образом?»

Ответ пришёл быстро: «Рабочим».

Он посмотрел на это слово. Оно могло означать труд, способ, день, посёлок и человека. В данном случае оно означало отсутствие ответа.

На следующий день исправление всё-таки появилось на сайте. Под ним стояла приписка: «Проект находится на обсуждении». Эту фразу добавила Зоя Семёновна. Она не решала проблему, но была правдой.

Василий хотел поблагодарить начальницу. Та опередила его:

— Вам теперь поручено подготовить пояснение к общественному обсуждению. Полное. С вопросами жителей.

— Это наказание?

— Это развитие вашей инициативы.

В библиотеке Галина Егоровна распечатала исправление и приколола рядом с первым объявлением.

— Старое снимите, — сказал Василий.

— Зачем?

— Оно неверное.

— А новое объясняет почему. Пусть рядом постоят.

Ему было неприятно видеть оба текста. Особенно потому, что библиотекарь не пыталась сделать ему неприятно. Она просто сохраняла последовательность событий.

Раиса Семёновна прочитала объявления, потом посмотрела на Василия.

— Хорошо, что написали.

— Что ошибся?

— Что ошиблись. Ошибиться вы и без нас могли.

Он засмеялся, а потом заметил на её ноутбуке открытое заявление. В графе «Цель обращения» было написано: «Разобраться».

— Так нельзя, — машинально сказал Василий.

— Вот и я говорю, — ответила она. — А приходится.

5 Чемпион по переворачиванию страниц

Павлов пригласил клуб на презентацию новой технологии чтения.

В приглашении говорилось: «Погружение в смысл без информационной перегрузки». Галина Егоровна прочла вслух и спросила, входит ли смысл в стоимость погружения. Василий не знал. Вход был свободный, что несколько затрудняло подозрения.

Презентация проходила в городском центре инициатив. У входа каждому выдавали бейдж «Я выбираю будущее». Александр спросил, можно ли сначала посмотреть варианты.

На сцене стоял молодой ведущий в кроссовках, белизна которых предполагала отсутствие прямого контакта с городом. Его звали Максим. Он называл себя архитектором внимания.

— Мы читаем медленно, потому что нас научили неправильно, — сказал он.

Василий слышал эту фразу много раз. В ней было что-то почти ласковое: всю жизнь виноват кто-то другой, а решение можно получить сегодня в этом зале.

— У вас внутри живёт диктор, — продолжал Максим. — Он проговаривает слова и тормозит мышление. Мы научим вас отключать его.

— Он коммунальные платит? — шепнул Александр.

Катя прыснула. Василий сделал ей знак вести себя прилично, хотя сам улыбался.

На экран вывели слова. Они появлялись по одному и быстро сменяли друг друга. В начале было легко. Потом Василий заметил, что узнаёт слова, но не успевает понять, к чему относится «однако». Через несколько секунд появилось «поэтому». Причину он пропустил.

— Ну что, всё понятно? — спросил Максим.

Зал одобрительно загудел. Василий тоже почти кивнул. Он поймал себя на этом движении и остановился.

Ему было неловко оказаться единственным, кто не успел за будущим.

Ирина подняла руку.

— Можно несколько вопросов по тексту?

— Конечно. Задавайте.

— Не вам. Нам.

Улыбка Максима чуть изменилась, но осталась на месте.

Ирина попросила назвать основную мысль. С этим справились почти все. Затем спросила, при каком условии автор считал своё предложение полезным. В зале стало тише. Потом попросила объяснить, с каким возражением спорил последний абзац.

Александр поднял руку.

— Я запомнил, что это полезно.

— А что именно?

— Быть полезным.

Максим рассмеялся вместе со всеми и предложил не превращать демонстрацию в экзамен.

— Согласна, — сказала Ирина. — Но тогда не будем превращать её в доказательство понимания.

Павлов вышел к сцене.

— Коллеги, здесь важен сам принцип. У людей мало времени.

— Именно поэтому стоит проверить, на что оно тратится, — ответила она.

Потом, уже в фойе, Ирина объяснила Василию, что у быстрого предъявления слов могут быть свои задачи, но оно не отменяет сложности языка. Нужно связывать предложения, замечать условия, иногда возвращаться. Узнавать слово — ещё не значит понимать рассуждение.

— В большом обзоре Кита Рейнера и его коллег о скорочтении, опубликованном в 2016 году, как раз разбирается обмен между скоростью и точностью понимания, — сказала она. —

Просмотр позволяет двигаться быстрее, если нам достаточно общего представления. Но это другая задача. Внутренняя речь тоже не просто неисправность, которую требуется выключить. Сложный текст не становится простым от того, что мы перестали слышать слова.

— Значит, быстро читать нельзя?

— Можно читать быстрее знакомое, выбирать нужное, лучше владеть языком. Нельзя честно объявить, что любая потерянная подробность была лишней, потому что мы её потеряли.

Василий подумал о приложении №4.

К ним подошёл Максим. Без микрофона он выглядел моложе и менее неуязвимо.

— Я ведь не говорю, что надо так договоры читать.

— Вы пока вообще не сказали, что так читать не надо, — заметила Ирина.

— Зал уйдёт, если я начну с ограничений.

— А если останется благодаря отсутствию ограничений?

Максим потерев бейдж. На его бейдже было написано «Создаю ясность».

— Мне самому это помогло, — сказал он.

Ирина кивнула.

— Верю. Только ваш опыт и обещание каждому — разные по размеру вещи.

Эта фраза почему-то подействовала на него сильнее, чем спор на сцене.

На выходе Серёжа листал рекламную брошюру.

— Я понял, как читать очень быстро, — сообщил он. — Надо меньше понимать.

— Это не всегда плохо, — сказал Василий. — Например, когда ищешь номер автобуса, всю транспортную философию знать необязательно.

— А когда подписываешь?

— Тогда философия сама тебя найдёт.

Они вышли под дождь. Максим догнал их и сунул Василию бумажку.

— Тут программа пилота. Полная. Если хотите, посмотрите.

— Почему мне?

— Вы же читаете.

Василий взял бумагу и на секунду почувствовал себя человеком, которому поручили незнакому, но почему-то посильную работу.

6 Вес одного слова

Катя обычно приходила к отцу ужинать в начале недели. Раньше они называли это семейной традицией. Теперь Катя говорила: «Зайду, если успею», — и Василий не знал, означает ли это отказ от семьи или нормальное расписание девятнадцатилетнего человека.

В тот вечер она пришла с коробкой деталей.

— Для проекта, — объяснила она.

— Учебного?

— Не совсем.

Василий уже собрался спросить, что значит «не совсем», но увидел у неё порез на пальце.

— Где это?

— В мастерской.

— Я же говорил, надо осторожнее.

— Пап, я теперь и осторожнее, и с твоим выступлением. Заживёт быстрее.

Он принёс пластырь. Она молча дала ему руку. Это маленькое согласие оказалось важнее ответа.

После ужина они разобрали программу пилота. Катя рисовала на листе путь пользователя, Василий отмечал условия.

«Сохранение бесплатного доступа к базовым информационным материалам».

— Какие материалы базовые? — спросила Катя.

В приложении перечислялись аннотации, краткие обзоры и справочные карточки.

— А сами книги?

— Расширенный доступ через партнёрские сервисы.

— Бесплатно?

Василий нашёл сноску. На этот раз он искал её специально.

«Условия определяются поставщиком сервиса».

— То есть не знаем, — сказала Катя.

Он кивнул и написал на полях: «Не определено».

Раньше он написал бы: «Требуется уточнения». Новая формулировка была короче и почему-то честнее.

На другой странице говорилось: «Не предполагается сохранение индивидуального заказа изданий, не включённых в перечень повышенного спроса».

Катя замолчала.

— Это два «не»?

— Два.

— Они взаимно уничтожаются?

— Только в школьной алгебре. Здесь они совместно уничтожают заказ.

Они переписали фразу: «Если книгу редко спрашивают, заказать её будет нельзя».

— Но редкую книгу и так спрашивают редко, — сказала Катя.

— Да.

— И что тогда делает библиотека?

Василий не ответил. Он искал, сколько ещё в проекте вещей, которые выглядели разумно, пока не попадали к конкретному человеку.

На полке над столом стоял отцовский сборник. Катя потянулась за ним, чтобы подложить под лист, и из книги выпало письмо.

Василий резко накрыл его ладонью.

Дочь отёрнула руку.

— Извини.

— Ничего.

Оба поняли, что ничего не было бы, если бы он не сказал это так быстро.

Лист лежал лицом вверх. В начале стояло: «Вася, ты только не думай, что я...»

Дальше шли две зачёркнутые строки, затем пустое место.

Отец написал письмо за неделю до смерти. Василий нашёл его позже, разбирая кухонный ящик. Он знал, какое слово должно было стоять после «я». Разочарован. Сердит. Обижен. Он перебирал варианты восемь лет, как будто один из них непременно был оригиналом.

— Он не дописал? — спросила Катя.

— Не успел.

— А может, передумал писать?

Василий посмотрел на неё.

— Ты его плохо помнишь.

— Помню не всё. Но это всё равно возможно.

Ему захотелось объяснить ей, что есть вещи, в которых нельзя так легко сомневаться. Потом он взглянул на исписанный ими проект: половина страницы состояла из вопросов именно к тому, в чём кто-то уверенно не сомневался.

— Возможно, — сказал он, хотя слово далось трудно.

Катя вернула книгу на полку без письма. Лист остался между ними на столе.

— Я всё равно думаю взять перерыв в учёбе, — сказала она.

— Что?

— Один семестр. Работать в мастерской. Я давно хотела рассказать.

Василий услышал «бросить». Она сказала «перерыв». Он заметил разницу только после того, как успел испугаться.

— Давай сначала разберёмся, — произнёс он.

— Именно это я и предлагаю.

Впервые за вечер читать пришлось без бумаги.

7 Комната забытых голов

Чтобы подготовиться к обсуждению, клуб решил разобраться, как люди понимают инструкции.

Александр предложил начать с инструкции к новому принтеру. Она лежала в коробке уже два месяца, и устройство до сих пор работало. Галина Егоровна не захотела рисковать.

Вместо неё взяли короткий вымышленный текст о порядке бронирования комнаты для занятий. Катя написала его сама. В комнате было шесть мест, забронировать её можно было на час, отменить бронь следовало заранее. После двух пропусков человеку предлагалось записываться только в день посещения. Рядом стояла оговорка: если пропуск связан с внезапной болезнью или иной уважительной причиной, нужно сообщить сотруднику.

— Я уже ненавижу эту комнату, — сказал Андрей.

— Подожди, ты ещё не видел стулья, — ответил Александр.

Половина клуба дважды прочитала текст. Остальные после первого чтения закрыли его и попытались записать правила по памяти. Потом им разрешили проверить записи и исправить ошибки.

Ирина заранее предупредила:

— Это занятие, не научный эксперимент. Нас мало, условия не выровнены, и каждый уже знает, чего от него хотят. Сегодня мы можем заметить что-то про себя. Доказывать устройство человечества будем в другой раз и с гораздо большим количеством скучной работы.

Василий прочитал правила дважды. Они были ясны. Он даже заметил неудачную запятую.

Через двадцать минут, после чая и обсуждения протекающей крыши, Ирина спросила, что произойдёт после двух пропусков.

— Человек лишается права пользоваться комнатой, — уверенно ответил Василий.

Катя подняла бровь.

— Что?

— Проверь.

Он открыл текст. Человек не лишался права. Менялся порядок записи.

— Я имел в виду предварительную запись.

— Ты этого не сказал.

— Но подумал.

— Пап, у нас нет доступа к внутреннему протоколу.

Все засмеялись. Василий тоже, хотя без особого удовольствия.

Раиса Семёновна, которая восстанавливала правила по памяти, записала их неточно, но заметила свою ошибку во время проверки. Теперь она помнила нужное условие.

— Значит, ошибаться полезно? — спросила она.

— Замечать и исправлять ошибку бывает полезно, — сказала Ирина. — Не всякая ошибка сама по себе образовательный подарок. Если год повторять неверное, можно отлично выучить неверное.

Она рассказала об исследовании Джеффри Карпике и Джанелл Блант. В нём студенты работали с учебными текстами, а затем проверялось, что они усвоили. Практика восстановления материала из памяти показала преимущество перед некоторыми другими способами работы, в том числе перед построением концептуальных схем в условиях этого исследования. Важен был не красивый конспект сам по себе, а усилие извлечь и связать знание. Однако из этого не следовало, что после каждого абзаца любого романа нужно устраивать себе допрос.

— Когда я читаю детектив, я и так всё время пытаюсь вспомнить, кто кому соврал, — сказал Андрей. — Мне ещё свой рабочий чат читать.

— Вот, — кивнула Ирина. — Задача имеет значение. Для экзамена полезно проверить, сможете ли вы объяснить материал без открытой страницы. Для отдыха такая проверка может быть лишней. А для инструкции к устройству лучше ещё убедиться, что вы правильно выполняете действие.

Василий посмотрел на свою запись. Он знал правила, пока правила были перед глазами. Это знание выглядело прочным только при поддержке бумаги.

— Почему кажется, что понимаешь?

— Знакомость приятна. Текст уже встречался, слова узнаются. Но это не всегда означает, что мы восстановим смысл сами.

Александр признался, что недавно трижды посмотрел ролик о замене смесителя, а потом не смог вспомнить, с какого соединения начинать.

— И что сделал? — спросил Серёжа.

— Перекрыл воду и посмотрел ещё раз. Героизма в сантехнике не надо.

Они решили включить в общественное обсуждение простую вещь: полный текст должен оставаться рядом с кратким. Человек может понять не всё, забыть условие, вернуться. Возможность проверить — часть доступа, а не признак плохого пользователя.

Когда Василий уходил, Галина Егоровна попросила его принести в следующий раз паспорт.

— Для чего?

— Читательский билет оформить.

Он уже открыл рот, чтобы сказать, что пришёл не читать. Потом заметил под мышкой две взятые книги и закрыл рот.

Дома он попробовал вспомнить, что именно обещал дочери насчёт её учёбы. Оказалось, он помнил собственные тревоги значительно лучше её доводов.

Он написал ей: «Я понял, что ты хочешь один семестр работать. А что должно получиться к его концу?»

Ответ пришёл не сразу.

«Спасибо, что спросил именно так».

Василий перечитал сообщение. Повторное чтение в данном случае он признал полезным без дополнительных исследований.

8 О чём был непонятный абзац

Анатолий Петрович принёс статистику.

Он был человеком тихим и точным. В страховой компании его не любили те, кому он задавал вопросы, и ценили те, кому потом не приходилось платить за отсутствие вопросов.

В отчёте о библиотеке были посещения, выдачи, мероприятия и участники мероприятий. За последний год число выдач снизилось. Павлов обвёл этот показатель красным.

— А часть фонда была закрыта из-за протечки? — спросил Анатолий Петрович.

Галина Егоровна кивнула.

— Три месяца. Ещё школьный класс рядом ремонтировали, они к нам перестали приходить.

— В отчёте это есть?

— В пояснениях.

— Которые никто не читает, — сказал Василий.

— Я прочёл, — ответил Анатолий Петрович.

Он не улыбнулся. Василию показалось, что иногда скромность — это просто отсутствие потребности торжествовать.

Они сравнили месяцы. Картина стала сложнее. Посещений в некоторые недели было меньше, но число обращений за помощью выросло. Цифровых выдач в старой системе не учитывали. Часть мероприятий записали дважды, потому что одно провели совместно с домом культуры.

— Это нам выгодно исправлять? — спросила Галина Егоровна.

Анатолий Петрович посмотрел на неё.

— Нам выгодно знать.

Она взяла ручку и зачеркнула повтор.

Василию понравилось, что защитники библиотеки тоже могли потерять красивую цифру. Хотя для презентации она бы очень пригодилась.

Ирина принесла лист с коротким описанием неизвестной процедуры. В нём предлагалось разделить предметы, выбрать режим, не перегружать устройство и дожидаться окончания цикла. Александр сказал, что это похоже на службу в армии, но устройство смутило его.

Когда выяснилось, что речь идёт о стирке, абзац сразу стал понятнее.

— Это не оригинальный текст эксперимента, — пояснила Ирина. — Я сочинила пример по его принципу. В исследованиях Джона Брансфорда и Марсии Джонсон, опубликованных в 1972 году, разбиралось, как контекст помогает понять и запомнить неоднозначный материал. Подходящая подсказка до чтения могла многое изменить. Не потому, что люди становились умнее за минуту. Они получали основу, к которой можно присоединить слова.

— Значит, надо всегда сначала рассказывать концовку? — спросил Серёжа.

— Нет. В инструкции нужен предмет и цель. В детективе неизвестность может быть частью удовольствия. Контекст не обязан быть спойлером.

Василий подумал о людях, которым писал сообщения. Он часто начинал с «В соответствии с решением...», не объясняя, что случилось и кого это касается. Формально всё было на месте. Человеческая стиральная машина запускалась без белья.

Вечером ему позвонила тётя Тамара, сестра отца. Они разговаривали нечасто: поздравления, здоровье, погода. Между этими темами лежало гораздо больше, чем они успевали обойти.

— Катя сказала, ты в библиотеке теперь, — произнесла тётя.

— Не совсем.

— У нас вся семья не совсем. Твой отец тоже говорил: я не коллекционер. А потом мы нашли шесть ящиков радиоламп.

Василий улыбнулся.

— Ты помнишь, он перед больницей письмо писал?

На другом конце стало тихо.

— Тебе?

— Да. Там начало: «Ты только не думай...»

— Он много чего начинал.

— Но ты не знаешь, о чём?

— Не знаю, Вася.

Он ожидал, что она предложит утешительную версию. Тётя Тамара этого не сделала.

— У меня его тетради есть. Если хочешь, приезжай. Только это тетради, а не ответ на всё.

— Я понимаю.

— Пока не понимаешь. Но приезжай всё равно.

После разговора Василий долго сидел на кухне. Он считал письмо ясным, потому что сам много лет предоставлял ему контекст. Отец начинал предложение. Сын заканчивал обвинение.

Возможно, обвинение было верным. Возможно, нет. Неизвестность не делала легче. Зато впервые оставляла место для того, чего Василий ещё не знал.

На следующий день он переделал начало пояснения к проекту.

Вместо «В целях информирования населения о ходе реализации...» написал: «Город обсуждает изменение работы библиотеки на Речной. По нынешнему проекту большую часть книг увезут в хранилище. Ниже — что известно об изменениях и какие вопросы пока остаются без ответа».

Текст стал длиннее.

Василий оставил его таким.

9 Слишком удобное доказательство

За две недели до обсуждения Катя показала клубу плакат.

На нём стояло: «Чтение делает людей добрее».

Под надписью был нарисован человек с книгой, уступающий место человеку без книги. По замыслу Кати, вторым мог быть любой. По мнению Александра, первым мог быть только тот, кто выходил на следующей остановке.

— Красиво, — сказала Галина Егоровна.

Ирина помолчала.

— А что? — спросила Катя.

— Слишком большой вывод.

— Но ведь художественная литература помогает понимать других?

— Может давать повод смотреть на чужую жизнь. Исследования отдельных связей и эффектов существуют. Но фраза на плакате обещает нравственное улучшение каждому читателю. Это мы не установили.

— Нам же нужно защитить библиотеку.

— Тем более не стоит защищать её тем, что мы сами не можем обосновать.

Катя отвернулась к окну. Василий узнал это движение: она так делала, когда чувствовала себя школьницей перед проверкой.

— Можно просто написать про воображение? — предложил он.

— А можно про людей, — тихо сказал Андрей. — У нас автобусом начальник парка ездит редко, зато читает много. Добрый он по четвергам, когда проверки нет. Не надо книги за него назначать ответственными.

Галина Егоровна взяла плакат и положила на стол.

— Знаете, я сорок лет выдаю книги. Среди читателей были щедрые люди, неприятные люди, очень образованные хамы и человек, который крал только тома с буквой «М». Я так и не поняла почему. Если мы скажем, что книга гарантирует доброту, кто-нибудь справедливо принесёт нам читателя в опровержение.

Серёжа предложил лозунг: «Здесь можно стать добрее. Можно не стать. Стулья всё равно есть».

— Это слишком честно для плаката, — сказал Анатолий Петрович.

Василий удивился. Анатолий Петрович редко шутил, поэтому его шутки приходилось узнавать без предупреждения.

Катя в конце концов написала: «Здесь есть время понять».

— Это тоже обещание, — заметил Василий.

Дочь посмотрела на него с усталостью.

— Здесь действительно есть время. Я не написала, что ты им воспользуешься.

Он поднял руки в знак капитуляции.

Позже они остались вдвоём у принтера. Катя стояла к отцу боком, придерживая бумагу.

— Тебе было приятно, что меня поправили?

— Нет.

— Ты сразу включился.

Василий хотел объяснить, что помогал. Потом вспомнил, сколько раз сам прятал удовольствие от правоты за словом «помощь».

— Наверное, немного. Прости.

Она удивлённо посмотрела на него.

— Это ты репетируешь?

— Что?

— Короткое извинение.

— Получилось?

— Почти. Не добавляй сейчас «но».

Он не добавил.

В тот же вечер Павлов прислал новую презентацию. На одном слайде утверждалось: «Большинство жителей предпочитают краткие форматы». Основанием был опрос посетителей городского приложения.

Анатолий Петрович заметил, что опрос проводили среди людей, уже пользующихся приложением. Тех, кто не мог зарегистрироваться или не хотел им пользоваться, там не было.

— Это не значит, что результаты ложные, — сказал он. — Это значит, что они отвечают на более узкий вопрос.

Василий записал эту фразу себе. Она годилась и для плаката Кати, и для презентации Павлова, и, что было неприятнее, для значительной части его собственных убеждений.

Он позвонил руководителю проекта.

— Андрей Аркадьевич, кого именно вы опрашивали?

— Пользователей.

— А остальных?

— Остальные не пользователи.

— Библиотекой они пользуются.

В трубке помолчали.

— Пришлите замечания.

Это ещё не было согласием. Но уже не было словом «рабочим».

10 Тетрадь с квитанциями

К тётё Тамаре Василий поехал в воскресенье. Она жила на другом конце города, в доме с лифтом, который делал перед отправлением паузу, словно обдумывал своё отношение к пассажирам.

Тётя встретила его в переднике.

— Есть будешь?

— Я недавно.

— Это не ответ на вопрос.

На столе уже стояли котлеты. У тёти Тамары гостеприимство не зависело от обратной связи.

Она была старше отца на четыре года и до сих пор говорила о нём «наш младший». Василию всякий раз становилось странно: человек, которого он помнил большим, сильным и окончательным, для кого-то оставался младшим.

После обеда тётя достала пакет с тетрадями.

— Тут всё вперемешку. Я не разбираю. Сначала было тяжело, потом показалось, что уже поздно. Вот и прошли годы. У поздно хороший аппетит.

В первой тетради оказались расходы на ремонт. Во второй — записи радиопередач, номера телефонов и размеры балконной двери. В третьей отец выписывал понравившиеся фразы. Иногда без автора. Иногда с автором, фамилия которого была записана неверно.

Василий узнал почерк: широкие буквы, длинная перекладина у «т», цифра семь с военным ремнём.

На одной странице было: «Вася звонил. Устал. Не расспрашивать про деньги».

Он перечитал.

— Что там? — спросила тётя.

— Ничего.

Она не стала поправлять его. Подвинула чашку.

Дальше шла запись о починке выключателя. Потом рецепт маринада. Потом: «Кате нужен стол повыше. Не покупать без них».

Отец умер, когда Катя была маленькой. Василий почти забыл, как тот мерил высоту её стула и обещал сделать надставки. В памяти остались другие вещи: спор о работе, тяжёлый телефонный разговор, сказанное на ходу «ты не понимаешь».

Тетрадь не оправдывала отца и не оправдывала сына. Она просто содержала жизнь, в которой ссоры занимали не все страницы.

— Он жаловался на меня? — спросил Василий.

Тётя Тамара подумала.

— Жаловался.

Он напрягся.

— Что редко приезжаешь. Что всё на бегу. Что споришь.

Василий кивнул. Вот, значит, оно.

— А ещё хвастался, — продолжила тётя. — Что у тебя работа сложная. Что ты сам всего добиваешься. И говорил: не мешайте ему, у него семья.

— Одновременно?

— Вася, он же человек был, а не постановление.

Василий опустил глаза.

Он очень хотел найти правильную версию отца. Такую, с которой можно наконец согласиться или окончательно поспорить. Вместо этого находились несовместимые на первый взгляд записи, и все были сделаны одной рукой.

В конце третьей тетради лежала квитанция за свет. На обороте отец написал: «Не забыть спросить у Васи про принтер».

Василий засмеялся, а потом почему-то не смог сразу остановиться. Они много раз спорили о важных вещах, но принтер всегда объединял их. Устройство зажёвывало бумагу с такой последовательностью, что делало семейные разногласия частным случаем общего человеческого несчастья.

— Письмо всё-таки про что было? — спросил он.

— Не знаю.

— Ты уверена, что не помнишь?

Тётя посмотрела на него внимательно.

— Я могу придумать хорошее. Ты этого хочешь?

Он покачал головой.

Она разрешила забрать тетради. В прихожей долго искала пакет покрепче, потом высыпала из одного картошку.

— Не надо, у меня сумка.

— Бумаге сухо будет.

Её забота была устроена просто: она не знала, что сказать о письме, зато знала, во что положить тетради.

В автобусе Василий не стал читать дальше. Он держал пакет на коленях, придерживая рукой, когда автобус поворачивал.

За окном проплывали магазины, остановки, люди с покупками. Город был занят продолжением жизни и не подозревал, что один пассажир впервые за восемь лет везёт домой отца, который умел не только упрекать.

11 Чтение без показателей

На следующий день Василий взял из библиотеки сборник рассказов.

Он выбрал его не по списку обязательного чтения. Книга лежала на столе возврата, и из неё торчала бумажная закладка с рисунком чайника. Василию понравился чайник. Это было несерьёзное основание, но он устал от серьёзных, которые приводили к плохим решениям.

Вечером он сел в кресло и открыл первый рассказ.

Через две страницы ему захотелось проверить телефон.

Он проверил.

В телефоне не случилось ничего такого, чего нельзя было узнать на семь минут позже. Однако сам факт проверки почему-то казался необходимым. Будто мир мог обидеться, если Василий перестанет участвовать в его непрерывном обновлении.

Он положил телефон на кухне и вернулся.

Теперь мешало кресло. Потом лампа. Потом мысль о том, что люди, умеющие читать, наверное, не тратят столько времени на расположение собственного тела.

Василий закрыл книгу.

Внутри тут же появился знакомый голос: вот видишь, не твоё.

Голос говорил уверенно, хотя не предъявлял ни опыта работы, ни документов.

Василий снова открыл рассказ. Решил прочитать до конца страницы. Не для привычки, не ради результата. Просто там человек стоял у чужой двери с пирогом, и хотелось узнать, пустят ли его.

Пустили не сразу.

Потом он читал ещё. Квартира постепенно перестала требовать поправок. Герой рассказа сказал что-то нелепое, хозяйка ответила ещё нелепее, и Василий засмеялся вслух. Смех в пустой квартире прозвучал неожиданно громко.

На двадцатой странице он остановился. Не потому, что устал, а потому что захотел остаться с последним разговором.

Он не записал главную мысль. Не извлёк полезного действия на завтра. Не стал проверять, сколько слов прочёл за минуту. В тот вечер книга не собиралась улучшать его производительность и обошлась без итогового акта.

На работе Василий рассказал об этом Ирине по телефону.

— Получается, я ничего из неё не вынес.

— А вам было интересно?

— Да.

— Тогда почему ничего?

— Ну, в практическом смысле.

— После музыки вы тоже ищите, что внедрить?

Он представил человека, который после симфонии составляет план мероприятий. Некоторые знакомые вполне могли бы.

Ирина не стала утверждать, что любая прочитанная история обязательно развивает эмпатию, лечит тревогу или продлевает жизнь. Она спросила, что именно осталось с ним после рассказа.

— Человек принёс пирог, чтобы не просить прощения. А пришлось и пирог отдать, и попросить.

— Вам это что-то напоминает?

— Не хотелось бы.

Она засмеялась.

Позже в библиотеке Василий обнаружил, что книгу уже заказал другой читатель. Он почувствовал неожиданную ревность. История, которая вчера казалась личным событием, сегодня переходила в чужие руки по учётной записи.

Галина Егоровна сказала, что можно продлить, если он не закончил.

— Нет. Я верну вовремя.

— Уверены?

— Пусть тоже почитает.

Она кивнула, как будто это было совершенно обычное решение.

Василий хотел спросить, кто следующий. Потом не спросил. В мире мог существовать человек, которому он молча передаст хороший вечер, и знакомиться для этого было необязательно.

По дороге домой он купил пирог.

Кате написал: «Можешь зайти? Хочу выслушать твой план».

Через минуту добавил: «Пирог не вместо разговора».

Дочь прислала смеющийся значок и вопрос: «С чем?»

«Разговор или пирог?»

«Оба, если есть выбор».

12 Инструкция к человеку не прилагается

Катя пришла с листом, разделённым на три колонки. В первой были расходы. Во второй — работа. В третьей — условия возвращения в учёбу.

Василий приготовился возражать. Он даже заранее придумал фразу о том, что образование никому не мешало. Фраза была хороша своей непроверяемостью: люди, которым оно мешало, обычно жаловались на что-нибудь другое.

Катя положила лист на стол.

— Я не прошу решить за меня. Хочу понять, где у плана слабые места.

— Самое слабое место — отсутствие диплома.

— Диплома сейчас и так нет. Он через несколько лет.

— Если ты продолжишь.

— Поэтому тут третья колонка.

Василий посмотрел. Там были дата пересмотра решения, разговор с учебной частью и перечень работ, которые она собиралась сделать в мастерской. Катя не мечтала уйти «в творчество» вообще. Она хотела проверить, нравится ли ей настоящая работа руками, с заказчиком, сроками и деталями, которые приходится переделывать.

— Ты думаешь, там легче?

— Нет. Я думаю, там другое. Хочу узнать, подходит ли мне.

— А если не подходит?

— Тогда узнаю.

Его раздражала спокойная готовность дочери получить плохой ответ. Он привык считать плохой ответ провалом вопроса.

Они поговорили о деньгах. Не сразу спокойно, но без повышения голоса. Василий обнаружил два недооценённых расхода. Катя — его предположение, что он обязан покрывать всё, о чём она не подумала. Это предположение оказалось обидным для обоих.

Потом она сказала:

— Ты ведь не только за учёбу боишься.

Василий отломил кусочек пирога.

— А за что?

— Что я перестану нуждаться в том, что ты умеешь объяснять.

Он хотел резко ответить. Вместо этого долго прожевал.

— Может быть.

Дочь села рядом.

— Я всё равно не понимаю коммунальные квитанции.

— Это не повод сохранять отношения.

— Очень устойчивый повод. Их каждый месяц присылают.

Они засмеялись. Разговор не стал лёгким, но перестал быть поединком за право называться разумным человеком.

Василий рассказал о тетрадях деда. Катя попросила посмотреть.

На странице с записью о её столе она задержалась.

— Он действительно собирался сделать?

— Да.

— Ты никогда не рассказывал.

— Забыл.

Слово было точным и потому болезненным. Василий восемь лет помнил последнюю ссору, но забыл стол, на котором отец хотел сделать жизнь внуки удобнее.

Катя провела пальцем рядом со строкой, не касаясь чернил.

— Можно сфотографировать?

Он кивнул.

Поздно вечером, когда она ушла, Василий открыл рабочую папку. В проекте библиотеки тоже были люди, за которых кто-то решил, что им подходит. Читателю требовалась краткость. Подростку — экран. Пенсионеру — помощь волонтера. Каждая группа была описана так, будто все её участники заранее согласовали характер.

Он добавил в пояснение новый вопрос: «Какие способы доступа сохранятся для людей с разными потребностями?»

Потом убрал слово «потребностями» и написал: «Как смогут пользоваться библиотекой те, кому неудобен предложенный способ?»

Формулировка получилась длиннее, чем он любил. Зато в ней оставалось место человеку, который не хотел соответствовать своему описанию.

На полях Василий пометил: «Не делать вывод о согласии из отсутствия возражений».

Это касалось и проекта, и дочери, и многих семейных ужинов, на которых он раньше считал своё последнее слово общим решением.

13 Галина Егоровна ошибается

На двери библиотеки появилась новая табличка: «Вход с едой запрещён».

Она была написана Галиной Егоровной аккуратно и крупно. Внизу стояли два восклицательных знака. Василий всегда считал, что второй означает недоверие к первому.

Причиной был Серёжин бутерброд. Точнее, пятно от него на книге о путешествиях. Книга пережила описание тропических ливней, но не пережила колбасу.

— Он ел над страницей, — сказала Галина Егоровна.

— Я не ел над страницей. Я читал под бутербродом, — объяснил Серёжа.

— Разницу оплатишь из карманных денег.

Мальчик замолчал. В клуб он в тот день не зашёл.

Позже пришла молодая женщина с ребёнком и контейнером еды. Она собиралась провести в читальном зале час между двумя занятиями сына. Галина Егоровна показала на табличку.

— Мы не будем здесь есть.

— Всё равно с едой нельзя.

— Она закрыта.

— Правило для всех.

Василий видел, как женщина устала раньше, чем успела разозлиться. Она посмотрела на сына, убрала книгу обратно на стойку и вышла.

— Зачем вы так? — спросил он.

— Потому что потом скажут: ей можно, а нам нельзя.

— Можно запретить есть над книгами.

— И весь день ходить проверять?

У Галины Егоровны были уставшие глаза. В эту неделю помощница заболела, компьютер зависал, а сантехник второй раз переносил визит. Василий понял, что идеальные правила легче придумывать человеку, которому не придётся обеспечивать их исполнение.

Но женщина всё-таки ушла.

— В проекте тоже всё для удобства исполнения, — сказал он.

Галина Егоровна посмотрела на него так, что он сразу пожалел о формулировке.

— Вы меня сейчас с кем сравнили?

— Я не сравнивал.

— Сравнивали. И правильно. Только не делайте вид, что не заметили.

Она сняла табличку.

На следующий день вместо неё появилась другая: «Пожалуйста, не ешьте рядом с книгами и компьютерами. Закрытую еду можно оставить в сумке. Если ребёнку нужно перекусить, спросите сотрудника».

— Вернули «пожалуйста», — заметил Василий.

— Оно много места не занимает.

Она выделила столик у входа, подальше от фонда. Столик был маленький и шатался. Александр подложил под ножку деревянную пластинку, которую принёс специально, потому что не признавал библиотечную литературу строительным материалом.

Серёжа пришёл через день. Он принёс новую книгу взамен испорченной, но не ту же самую. Денег на такую же не хватило.

Галина Егоровна позвала его к стойке.

— Давай посмотрим, можно ли отмыть пятно. А потом решим, что делать по правилам. Я в прошлый раз сказала резко.

— Я тоже.

— Ты-то про бутерброд удачно сказал. Это не отменяет пятна.

Он улыбнулся.

Василий наблюдал из зала. Ему хотелось запомнить именно эту сцену для обсуждения: не библиотеку, где никто никогда не ошибается, а место, где ошибку можно не превращать в должностную принципиальность.

Ирина, пришедшая после занятий, выслушала историю.

— Иногда правило защищает вещь так хорошо, что изгоняет человека, которому вещь предназначена, — сказала она.

— Это вы научно? — спросил Василий.

— Нет. Это я после похода за справкой.

Такое разделение ему нравилось. Ирина не надевала белый халат на каждую собственную мысль.

В тот вечер Галина Егоровна сама предложила включить в план обновления больше свободных мест, понятную запись и правила без угроз.

— Но это же идеи Павлова, — заметила Катя.

— И что? Если он завтра предложит починить крышу, мы будем мокнуть из верности убеждениям?

Они внесли предложения в общий документ. Впервые защита библиотеки стала похожа не на требование оставить всё как было, а на работу над тем, что должно измениться.

14 Человек по другую сторону слайда

Павлов пригласил Василия на обед.

Василий ожидал давления и заранее выбрал недорогой суп, чтобы давление не оказалось подкреплено финансово.

Они сидели в кафе возле администрации. На стене было написано: «Живи настоящим». Под надписью висел календарь за прошлый год.

— Вы сделали из меня врага книг, — сказал Павлов.

— Я ничего такого не писал.

— Не обязательно писать. Достаточно выставить меня человеком, который отнимает у пенсионера стул.

Василий отложил ложку.

— А вы не отнимаете?

— Я пытаюсь сделать так, чтобы туда пришёл не только пенсионер.

— Он тоже человек.

— Я знаю, Василий Васильевич.

В голосе Павлова впервые появилась усталость. Не выступательная, без расчёта на сочувствие.

Он рассказал, что вырос в посёлке, где библиотека открывалась в часы, когда его мать работала. Книги домой приносила соседка. Потом соседка переехала, и книги перестали появляться. Сам он в подростковом возрасте больше слушал, чем читал. Записи лекций, передачи, разговоры взрослых. Когда позже научился быстро искать информацию, ему казалось, что он наконец нашёл дверь без сторожа.

— Вы думаете, я презираю чтение. А я презираю чувство, что для входа надо быть уже правильным человеком.

Василий вспомнил, как обрадовался отсутствию вопроса о любимом авторе.

— Это я понимаю.

— Тогда почему вы защищаете старую систему целиком?

— Уже не целиком.

Павлов посмотрел на него.

— Что предлагаете?

Василий рассказал о коротких пояснениях рядом с полными текстами, о помощи с цифровыми сервисами, об аудиокнигах, о сохранении фонда на месте хотя бы в существенной части. Произнесённое вслух предложение оказалось дороже и сложнее, чем на бумаге.

Павлов сразу назвал ограничения: бюджет, площадь, ремонт, нагрузка на сотрудников. Василий не смог ответить на всё.

Это было неприятно. Ещё неприятнее было признать, что часть вопросов справедлива.

— Но ваш проект тоже не посчитан полностью, — сказал он.

— Посчитан в рамках финансирования.

— А доставка книг?

Павлов помолчал.

— Пока нет окончательной модели.

— Тогда давайте не писать, что доступ сохранён.

— Если каждый раз писать, чего мы не знаем, никто ничего не согласует.

— Может, именно это иногда и нужно.

Оба замолчали.

За соседним столом мужчина объяснял по телефону, что лично контролирует ситуацию. Одновременно он пытался открыть пакетик сахара, рассыпал его и не заметил.

— У меня контракт на внедрение, — сказал Павлов. — Если мы переносим проект, я отвечаю за срыв.

— А если внедряем неработающее?

— Тогда я отвечаю за доработку. Это другая категория.

Василий понял, что разговаривает не только с человеком, но и с устройством, в котором ошибка после запуска иногда удобнее вопроса до запуска.

— Вы можете это изменить?

— Не один.

— Я тоже не один.

Павлов усмехнулся.

— У вас клуб недочитавших.

— Да. Очень опасные люди. Они уже допускают, что могли чего-то не понять.

На прощание договорились обменяться расчётами. Без торжественных формулировок о сотрудничестве. Павлов оплатил только свой обед, чему Василий был благодарен: суп сохранил независимость.

По дороге он подумал, что понять мотив человека не значит принять его решение. Но после этого труднее рисовать его на плакате с ножницами над библиотекой.

В клубе Василий попросил убрать из проекта выступления фразу «чиновники не читают».

— Почему? — спросил Александр.

— Потому что я знаю как минимум одного, который иногда читает. И это не всегда спасает от глупости.

— Хорошая у вас самокритика, — сказал Александр. — С запасом на коллег.

15 Неделя вместо вечера

Вике предстоял экзамен.

Она училась на медицинского лабораторного техника, работала по вечерам и читала учебник так, будто пыталась погасить пожар глазами. Галина Егоровна несколько раз находила её в зале перед закрытием: вокруг лежали цветные листки, а на лице было выражение человека, который подчёркивал уже саму надежду.

— Мне всё кажется знакомым, — сказала Вика. — Пока не спрашивают.

Ирина села рядом.

Они не стали выстраивать новую жизнь с понедельника. Посмотрели, сколько осталось дней, какие темы действительно нужны и где Вика путается.

Она умела узнавать определение, но не всегда могла отличить близкие понятия в задаче. Конспект был красивый. Красота, к сожалению, не отвечала за него на экзамене.

— Я всё переписываю, — сказала Вика.

— А когда пробуешь вспомнить без тетради?

— Когда меня вызывают. Там обычно и пробую.

Ирина предложила начать раньше, в более дружелюбной обстановке. На карточках они написали вопросы, затем Вика закрыла учебник и ответила на несколько. Где не смогла — вернулась к материалу и уточнила. Через некоторое время проверила ещё раз.

— Сколько раз надо? — спросила она.

— Зависит от сложности, от того, что уже знаешь, и от того, как долго нужно помнить. Нет одного волшебного расписания на весь мозг.

Ирина коротко рассказала, что распределённая практика изучалась во множестве работ. В количественном обзоре Николаса Сепеды и коллег 2006 года разбирались результаты исследований запоминания словесного материала. Повторения, разнесённые во времени, часто давали преимущество перед сгущёнными в один подход, но полезный интервал зависел, в частности, от срока последующей проверки. Из этого нельзя вывести точный календарь для каждого человека и каждого предмета.

— То есть один длинный вечер хуже нескольких коротких?

— Нередко для длительного сохранения лучше распределить работу. Но у тебя сейчас конкретная неделя. Давай делать посильное, а не ругать прошлую Вику за плохое расписание.

Прошлая Вика, судя по лицу нынешней, была уже достаточно наказана.

Василий слушал с соседнего стола. Ему понравилось, что наука не появлялась здесь в виде торжественного обещания. Она помогала выбрать следующий шаг, оставляя неопределённость на месте.

Раиса Семёновна предложила проверять Вику по карточкам.

— Я всё равно этих слов не понимаю. Зато сразу услышу, если ты начнёшь красиво уходить от ответа. Я тридцать лет принимала отчёты.

Через десять минут она уже сурово спрашивала:

— Ты сейчас объяснила причину или повторила определение другими словами?

— Вы точно не преподаватель? — спросила Вика.

— Я бухгалтер. У нас некоторые формулировки тоже создаются для уклонения.

К экзамену Вика не выучила всё идеально. На одном вопросе растерялась. Второй объяснила хорошо. Получила оценку, которой была довольна, и принесла в библиотеку мандарины.

— Напишем в защиту библиотеки, что мы помогли сдать? — предложил Василий.

Ирина покачала головой.

— Можно написать, что Вика здесь готовилась и получила помощь. Нельзя из одного результата делать доказательство действия всей системы.

Вика подняла мандарин.

— И я, между прочим, тоже что-то делала.

Все засмеялись. Василий исправил формулировку ещё до того, как успел её записать.

Вечером он вернулся к проекту выступления. Прочитал его, закрыл и попробовал изложить главное без бумаги.

Получилось три пункта. Остальное оказалось украшением собственной уверенности.

Он не удалил всё остальное. Среди дополнительных сведений были важные условия. Но впервые увидел, где у текста каркас, а где автор долго крутится перед зеркалом.

16 Чужой голос

Серёжа не любил читать вслух.

Он мог долго разбирать схему, запоминал странные подробности о кораблях и однажды объяснил Александру, почему у старого ледокола была необычная форма корпуса. Но если кто-нибудь просил его прочитать абзац перед людьми, буквы начинали вести себя так, будто тоже хотели уйти из комнаты.

Василий заметил это случайно. Они готовили небольшие выступления для обсуждения, и Серёже достался текст о подростковом клубе.

— Прочти, послушаем, — сказал Василий.

Мальчик взял лист. Начал, запнулся, вернулся к началу предложения. Катя потянулась поправить слово, но Ирина остановила её жестом.

— Я не буду, — сказал Серёжа.

— Там же всего полстраницы, — произнёс Василий.

Он услышал себя слишком поздно.

Серёжа положил лист на стол так аккуратно, что стало ясно: ещё немного — и аккуратность кончится.

— Тогда сами читайте.

В комнате наступила неловкая тишина. Галина Егоровна занялась чайником, хотя вода уже вскипела. Александр стал складывать отвёртки, которых на столе не было, потом сообразил и перестал.

Ирина спросила:

— Ты хочешь рассказать своими словами?

— Не хочу вообще.

— Хорошо.

— Вот и хорошо.

Он ушёл в дальний зал.

Василий тихо сказал:

— Я ведь помочь хотел.

— Знаю, — ответила Ирина. — Но полстраницы может быть маленькой мерой для бумаги и большой для человека.

Он хотел спросить, что с Серёжей. Ирина сразу добавила:

— Мы не будем ставить ему диагноз по одной сцене. Если трудности устойчивые и мешают учёбе, их стоит обсуждать со специалистами и с семьёй. А сейчас можно просто не превращать собрание в проверку.

Василий пошёл за мальчиком. Тот сидел у окна и крутил шнурок от толстовки.

— Прости, — сказал Василий. — Я сделал неловко.

Серёжа пожал плечами.

— В школе все так. «Ты что, не можешь?» Могу. Просто когда смотрят, не могу.

— Понимаю.

Мальчик посмотрел на него с сомнением.

— Не совсем понимаю, — поправился Василий. — Но слышу.

Это, кажется, было лучше.

Они посидели молча. За окном уборщик собирал мокрые листья в чёрный мешок. Один лист всё время прилипал к сапогу. Уборщик снимал его, лист возвращался. Серёжа следил за борьбой, и Василий не мешал.

— Можно я покажу фотографии? — наконец спросил мальчик. — Где мы делали модель корабля. Там и так видно.

— Можно. А сказать можешь две фразы. Или не говорить.

— Две скажу.

Вечером они записали короткое видео. Серёжа рассказывал о модели спокойно, пока камера снимала его руки, а не лицо. Он объяснил, как переделывали корпус, почему первое решение не сработало и как Александр помог найти подходящий материал.

— Я там выгляжу глупо? — спросил он после просмотра.

— Нет, — ответил Василий. — Ты там кое-что знаешь, чего не знаю я.

Серёжа просмотрел запись ещё раз и разрешил показать её на обсуждении.

Василий вспомнил себя на презентации скорочтения: как едва не кивнул вместе со всеми, чтобы не выглядеть отставшим. Разница в возрасте не давала ему иммунитета от того же страха. Просто взрослым разрешалось называть его более длинными словами.

Он заменил в сценарии «выступления участников» на «истории участников». Некоторые будут сказаны вслух. Некоторые показаны. Одну Раиса Семёновна попросила прочесть за неё: она не хотела выступать, но хотела быть услышанной.

В тот день Василий впервые подумал, что ненависть к чтению иногда начинается не с книги. Она может начинаться с лица человека, который ждёт твоей ошибки.

Он не стал записывать это как универсальный закон. Ему хватило одного конкретного лица, которое он больше не хотел принимать.

17 Домашняя работа для унитаза

Александр принёс в библиотеку прозрачную пластиковую модель сливного бачка.

— Для наглядности, — сказал он.

Галина Егоровна посмотрела на модель, потом на него.

— У нас обсуждение культуры.

— Вот и я говорю. Начинать надо с основ.

Идея возникла после очередного разговора о том, что краткая карточка способна заменить полное объяснение. Александр предложил каждому рассказать, как работает знакомое устройство. Все выбрали бачок, потому что остальные варианты требовали признаться, что они не знают даже названий деталей.

Василий начал уверенно:

— Нажимаешь кнопку, вода выходит, потом набирается.

— Это что происходит. А как?

— Открывается клапан.

— Какой?

— Нужный.

— Хороший клапан, — сказал Александр. — Универсальный.

Когда дошли до того, почему вода перестаёт набираться, Василий показал на поплавок. Дальше объяснение снова стало туманным. Он знал названия некоторых частей и принимал это за понимание связи между ними.

Катя справилась лучше, но перепутала один элемент. Анатолий Петрович честно сказал, что не понимает конструкцию конкретной модели. Раиса Семёновна заявила, что её знание заканчивается на телефоне сантехника, и не увидела в этом личной катастрофы.

— Вот это, между прочим, хороший уровень самооценки, — заметила Ирина.

Она рассказала об исследованиях Леонида Розенблита и Фрэнка Кейла 2002 года. Люди могли считать своё понимание устройства вещей довольно глубоким, но попытка дать подробное объяснение обнаруживала пробелы. Исследователи называли это иллюзией глубины объяснения. Речь не шла о том, что люди вообще ничего не знают или одинаково заблуждаются во всех областях. Трудность заключалась в переоценке полноты собственного объяснения.

— А если я умею пользоваться и мне хватает? — спросила Галина Егоровна.

— Тогда не обязательно становиться инженером бачка, — ответила Ирина. — Но если предлагаешь переделать его для всего города, полезно знать немного больше, чем расположение кнопки.

Александр снял крышку модели и показал механизм. Объяснял он без терминологического блеска. Иногда называл деталь «эта штука», но каждый раз было видно, какая именно штука и что она делает.

Василий заметил: простота возникала не от исчезновения связей. Связи становились видимыми.

— Значит, краткое объяснение плохое? — спросил Серёжа.

— Нет, — сказал Александр. — «Перекрой воду» — прекрасное краткое объяснение, когда у тебя течёт. Но оно не объясняет устройство. И не должно. Я против того, чтобы одной фразе выдавали диплом на все случаи.

Они перенесли этот вопрос на проект.

«Читатель делает заказ в приложении, получает уведомление и забирает книгу».

Звучало понятно.

Кто принимает заказ? Кто проверяет наличие? Где хранится книга? Как часто ездит транспорт? Что происходит, если издание повреждено? Кто отвечает человеку без приложения? Что означает «забирает», если у него ограничена подвижность?

К третьему вопросу простая схема превратилась в список неизвестного.

— Мы не должны знать всё, — сказал Василий. — Но тот, кто запускает, должен хотя бы показать, где будут ответы.

Анатолий Петрович записал вопросы. Александр аккуратно убрал модель в коробку.

— На обсуждение возьмём? — спросила Катя.

— Нет, — решила Галина Егоровна. — Иначе у нас будет очень популярное видео и ни одного разговора по существу.

Александр вздохнул. Его огорчало, что культура снова отвергла сантехнику на пороге признания.

Когда он ушёл, Василий долго смотрел на оставшийся на столе рисунок. Человек может всю жизнь успешно нажимать кнопку и не понимать механизм. Это нормально, пока он не начинает продавать свою уверенность как проект нового водоснабжения.

Он дописал к будущему выступлению вопрос, который собирался задать и себе, и Павлову: «Что именно должно произойти между обещанным действием и обещанным результатом?»

Потом зачеркнул слово «обещанным». Оно звучало обвинительно. Оставил: «между действием и результатом».

Так вопрос стал пригоден для обеих сторон.

18 Последний абзац оказался не последним

За пять дней до обсуждения в городской группе появилось сообщение: «Защитники библиотеки выступают против цифровых технологий».

К сообщению прилагалось видео Василия. Он говорил: «Мы не можем считать электронный доступ полноценной заменой». На этом запись обрывалась.

Следующие слова — «если он платный, зависит от регистрации и не сопровождается помощью тем, кому она нужна» — в ролик не попали.

Василий смотрел на экран и чувствовал странное раздвоение. На видео был он. Голос был его. Смысл принадлежал кому-то другому.

— Надо написать, что это ложь, — сказала Катя.

— Но я действительно сказал первую часть.

— Поэтому это и сделано так.

Под роликом уже спорили. Одни уверяли, что бумажные книги — пережиток. Другие писали, что экран уничтожает мозг. Третьи требовали вернуть карточный каталог, поскольку раньше люди были добрее. Четвёртые обвиняли третьих в том, что те сами пишут это с телефона.

Библиотека в споре почти не участвовала. Она служила площадкой, на которой люди встречались со своими давними противниками.

Василий позвонил Павлову.

— Это вы выложили?

— Нет.

— Ваша команда?

— Я выясню.

— Вы понимаете, что там вырезано условие?

— Понимаю.

Через час Павлов прислал полную запись и написал администратору группы с просьбой добавить её. Тот ответил, что короткое видео уже разошлось, а длинное никто смотреть не будет.

— Прекрасная проверка проекта, — сказал Василий, когда узнал об этом. Павлов не засмеялся.

Они вместе подготовили короткое уточнение. Оно начиналось с полной фразы Василия. Ниже стояло: «Речь идёт об условиях доступа, а не об отказе от электронных книг».

Уточнение набрало меньше просмотров. Это не доказывало никакого общего закона об интернете. Но именно эту ошибку исправить оказалось труднее, чем распространить.

В библиотеке решили обсудить, как читать спорное сообщение. Ирина не стала раздавать универсальную защиту от обмана. Предложила три простых вопроса: что именно утверждается, на чём это основано и чего в сообщении не хватает для вывода.

— И после каждого поста так? — возмутился Андрей. — Я тогда до конца жизни буду читать утренний чат дома.

— Не после каждого. Там, где собираешься поверить важному утверждению, переслать его или принять решение.

— А если просто посмеяться?

— Можно посмеяться. Только желательно не превратить чужую жизнь в ошибку ради удачной шутки.

Василий вспомнил плакат, на котором чиновник с ножницами собирался разрезать библиотеку. Они ведь тоже были недалеко от этого.

Катя предложила добавить на сайт проекта две версии пояснения: короткую и полную. В короткой оставались ключевые условия, а не только привлекательный вывод.

— Это всё равно не заставит читать, — сказал Анатолий Петрович.

— Зато даст возможность, — ответила она.

Слова «дать возможность» раньше казались Василию слабее слов «добиться результата». Теперь он начал замечать, сколько насилия иногда прячется в уверенности, что чужой результат можно назначить заранее.

Вечером ему позвонил Максим.

— Я снял с презентации фразу про отключение внутреннего диктора.

— Почему?

— Не смог нормально объяснить, что именно мы отключаем и как измеряем.

— А что поставил?

— «Подберите темп под задачу». Скучно, да?

— Зависит от того, кому и зачем.

Максим помолчал.

— Вы тоже теперь так отвечаете.

— Профессиональная деформация. Раньше я сокращал условия. Теперь они мстят.

19 Восемь коробок отсутствия

В среду приехала машина.

На борту было написано «Бережная перевозка». Рабочие вынесли из кузова восемь пустых коробок и спросили, где брать книги.

Галина Егоровна решила, что это недоразумение. Она вообще предпочитала сначала считать происходящее недоразумением: так у людей оставался шанс не оказаться вредителями.

У водителя был наряд на подготовительное перемещение части фонда.

— Обсуждение ещё не состоялось, — сказала она.

— У меня тоже обед ещё не состоялся, — ответил водитель. — Но маршрут выдали.

Он не грубил. Просто держался за единственное, что было у него определено.

Галина Егоровна позвонила Василию. Василий — Зое Семёновне. Зоя Семёновна — Павлову. Через двадцать минут выяснилось, что перевозка относится к ремонту, а ремонт включён в подготовительный этап, который не зависит от итогов обсуждения. Формально книги везли не туда, куда собирались везти после принятия проекта, а во временное помещение, которое находилось по тому же адресу.

— Это разные основания, — объяснил сотрудник хозяйственного отдела.

— Книги могут различить? — спросил Василий.

Сотрудник не оценил вопрос.

Василий приехал в библиотеку, когда рабочие уже сидели на ступеньках и пили чай из своих термосов. Они не собирались брать на себя культурный конфликт без доплаты.

В зале Галина Егоровна проверяла список. В него попали книги из доступной части фонда, которую ремонтировать не требовалось.

— Кто составил?

— Из системы выгрузили позиции с низкой выдачей.

— Для ремонта?

— Так удобнее освобождать площадь.

На листе были справочники, книги с крупным шрифтом, несколько альбомов и сборник местных документов.

Василий увидел тонкую книгу, которую недавно спрашивал пожилой мужчина. Он искал там фотографию старой улицы. Книгу не выдавали домой, поэтому в статистике обычных выдач она выглядела почти мёртвой.

— Это же не показатель использования, — сказал Анатолий Петрович, которого вызвали с работы.

— Это показатель выдачи, — ответила Галина Егоровна. — Они им измерили всё остальное.

Вошёл Павлов. Пальто было расстёгнуто, на лбу блестела капля дождя.

— Я остановил перенос. Пока.

— Почему он вообще начался? — спросила Галина Егоровна.

— Подрядчик работал по графику.

— По какому графику? Мы ещё обсуждаем, будет ли это нужно.

— Подготовительный этап согласован раньше.

Василий почувствовал, как в нём поднимается злость. Он узнавал эту конструкцию: каждое отдельное действие имело объяснение, а вместе они давали результат, за который никто не отвечал целиком.

— Вы понимаете, как это выглядит?

— Да. Поэтому я здесь.

— Этого мало.

— Сейчас я могу остановить машину. Остальное будем разбирать.

Павлов говорил жёстко, но не уходил. Василию хотелось обвинить его во всём сразу. Это было бы легче, чем удерживать разницу между его участием, его ответственностью и его конкретным действием сейчас.

Рабочие забрали пустые коробки. Одна осталась у стойки: в неё успели положить несколько книг, и Галина Егоровна не захотела выгружать их на пол.

На коробке красным маркером было написано «Малый спрос».

Вечером пришёл тот самый мужчина за фотографией улицы. Галина Егоровна достала книгу из коробки, открыла на нужной странице и пододвинула к нему.

Мужчина долго смотрел.

— Здесь наш дом был, — сказал он. — А вот этого дерева я не помню.

Он не расплакался. Не произнёс речи о памяти. Просто попросил разрешения сделать снимок и долго выбирал угол, чтобы не бликовала лампа.

Василий стоял рядом и думал, что низкая частота обращения ничего не говорит о величине конкретной встречи.

Это не отменяло вопроса о площади. Книги действительно занимали место. Какие-то издания действительно стоило передать, какие-то списать по состоянию. Но красная надпись на коробке делала вид, что один показатель уже решил весь разговор.

Он перевернул коробку надписью к стене.

— Не надо прятать, — сказала Галина Егоровна.

Василий повернул обратно.

20 После бессонной ночи

Накануне обсуждения Василий почти не спал.

Он правил выступление до двух ночи, потом ещё час читал комментарии, чтобы подготовиться к возможным возражениям. К утру возможных возражений стало столько, что человечество в целом казалось ему неудачной аудиторией.

В библиотеке он дважды потерял одну и ту же страницу, перепутал даты и раздражённо спросил Вику, зачем она переставила папку. Вика папку не трогала.

— Вы поели? — спросила Галина Егоровна.

— У нас сейчас не это главное.

— У вас, судя по лицу, это уже главное.

Она поставила перед ним тарелку с бутербродом. Есть разрешила за маленьким столиком у входа. Новое правило работало и в условиях общественного кризиса.

Василий ел и продолжал смотреть в текст. Смысл расплзлся. Он узнавал каждое слово и не удерживал предложение.

— У меня совсем внимание пропало, — сказал он Ирине.

— Вы описываете состояние сегодняшнего утра. Не обязательно делать из него пожизненную характеристику.

— Завтра выступать.

— Тем более.

Она предложила прекратить правки на час. Василий воспринял это как предложение оставить самолёт без крыла перед взлётом.

— Если я сейчас отвлекусь, не успею.

— А если останетесь в таком состоянии, что именно успеете?

Он хотел ответить. Не смог вспомнить, какой раздел редактировал последним.

Они вышли пройтись вокруг квартала. Ирина ничего не рассказывала о чудесной перезагрузке мозга. На улице было прохладно, лужи отражали вывески, возле булочной стояла очередь. Мир существовал без пояснительной записки Василия, и это немного успокаивало.

— Иногда я читаю страницу и потом понимаю, что думал совсем о другом, — сказал он.

— Такое бывает. В исследованиях Эрика Райхле, Эндрю Райнеберга и Джонатана Скулера о невнимательном чтении, опубликованных в 2010 году, изучали, как движение глаз связано с моментами, когда внимание уходит от текста. Само движение по строкам ещё не доказывает, что человек следит за смыслом. Но из этого не следует одна причина для всех: «мозгу скучно, потому что он слишком быстрый». Жизнь устроена разнообразнее рекламного объяснения.

— И что делать?

— Сейчас? Поесть, остановить правки, вечером лечь вовремя. А вообще — замечать, когда перестал понимать, и выяснять, что мешает. Иногда нужен перерыв. Иногда объяснение незнакомого слова. Иногда другой текст. Иногда помощь, если трудности устойчивые. Не всё исправляется приказом сосредоточиться.

На углу они встретили Александра. Он нёс складную тележку.

— Куда? — спросил Василий.

— В библиотеку. Стулья привезу.

— Может, я помогу?

— Можете не мешать. В вашем состоянии это серьёзная помощь.

Василий впервые за утро рассмеялся.

Вернувшись, он прочёл выступление целиком. Убрал два абзаца, в которых обижался на комментарии, и один, где доказывал собственную добросовестность. Ни один не помогал понять судьбу библиотеки.

Потом закрыл файл.

Это действие потребовало больше усилий, чем все предыдущие правки.

Дома Василий поставил телефон заряжаться в прихожей. Книгу не открыл. Лёг рано и некоторое время слушал, как в соседней квартире двигают стул. Раньше он непременно придумал бы историю о бессовестных соседях. Сегодня просто надеялся, что они скоро найдут подходящее место.

Перед сном он подумал, что в книге для ненавидящих читать неплохо бы разрешить человеку иногда спать.

Мысль была не новая и не гениальная. Зато в тот вечер он впервые сумел ею воспользоваться.

21 Четыре минуты на человеческую жизнь

Зал общественных обсуждений находился на втором этаже администрации. У входа стоял плакат «Ваше мнение важно». Под ним сотрудница выдавала карточки с четырёхминутным регламентом.

— А если вопрос? — спросила Раиса Семёновна.

— Две минуты.

— А если я медленно?

— Всё равно две.

Раиса Семёновна посмотрела на плакат и ничего не сказала. Василий увидел, что она аккуратно сложила карточку пополам.

Зал заполнялся. Пришли читатели, сотрудники, люди из соседних домов, представители подрядчика. Несколько человек не знали, о чём обсуждение, но слышали, что могут закрыть кружки. Один мужчина спросил, будут ли говорить о парковке. Ему ответили, что нет. Он остался: надежда была сильнее темы.

Павлов выступал первым. Он говорил убедительно и не прятал слово «изменения». В новой презентации появились замечания клуба. Были указаны неуточнённые условия доставки, необходимость помощи с регистрацией, вариант сохранения части фонда.

Василий заметил это с облегчением. Потом с тревогой: улучшенная презентация могла легче провести проект, который всё ещё оставался недоработанным.

После Павлова выступила представительница финансового отдела. Она объяснила, что деньги выделены на определённые статьи и перенаправить их просто решением собрания нельзя. Её освистали.

Василий почувствовал стыд. Она сообщала ограничение, которое им нужно было знать. Ограничение не становилось ложным от того, что мешало хорошему намерению.

Галина Егоровна вышла к микрофону с двумя листами. Рассказала о фонде, рабочих местах, помощи посетителям. На третьей минуте председатель напомнил о времени. Она ускорила и сбилась.

— Главное... — сказала она и посмотрела в зал. — Главное, не принимайте решение о нас по одному показателю.

Ей захлопали. Четыре минуты закончились.

Александр показал фотографию шаткого столика и сказал, сколько стоит привести в порядок мебель. Его спросили, имеет ли он полномочия оценивать библиотечную инфраструктуру.

— Я имею отвёртку, — ответил он. — Для этого столика оказалось достаточно.

Зал засмеялся. На секунду напряжение ушло.

Видео Серёжи сначала не запустилось. Технический специалист сказал, что формат не поддерживается. Катя подключила свой ноутбук, и на экране появились руки мальчика, которые держали модель корабля.

Он рассказывал тихо, но ясно. Про первую ошибку, переделанный корпус, помощь Александра. В конце сказал: «Мне тут можно сначала сделать плохо, а потом переделать».

Никто не хлопал несколько секунд. Потом хлопали долго.

Василий вышел следующим.

Он начал с исправления собственной справки. В зале кто-то сказал: «Вот, признался». Он кивнул.

— Да. Я опубликовал слишком уверенный вывод, не проверив условия. Сейчас прошу не повторять эту ошибку с более серьёзным решением.

Он рассказал, какие ответы ещё нужны, что можно обновить без вывоза фонда, какие расходы не подсчитаны. Старался не говорить за всех. Это замедляло речь, зато избавляло от необходимости быть пророком.

На третьей минуте председатель поднял карточку.

У Василия оставался важный абзац: нельзя свести библиотеку только к книгам или только к помещению, она состоит из нескольких способов доступа, и изменение каждого требует отдельной оценки.

Он посмотрел в зал. Раиса Семёновна сидела прямо, держа сложенную карточку. Катя смотрела на него без подсказок. Павлов записывал что-то на полях.

Василий сократил пример, но оставил условие.

В четыре минуты уложился.

Потом начались вопросы. Один человек требовал бесплатный круглосуточный доступ ко всему. Другой предлагал убрать бумагу как источник пыли. Третий рассказал, что в детстве библиотекарь поставила ему плохую отметку за поведение, хотя библиотекари отметок не ставили. Никто не решился спорить с давней обидой.

Мужчина, пришедший ради парковки, дождался микрофона и спросил о парковке.

Председатель устало ответил, что вопрос вне повестки.

— Вот потому у вас люди и не ходят, — сказал мужчина. — У каждого своя повестка, а вы всё со своей.

Неожиданно это оказалось одним из самых точных замечаний вечера.

В конце приняли решение создать рабочую группу и уточнить проект. Вывоз фонда приостановили до её заключения. Срок работы установили две недели.

Зал зааплодировал. Катя обняла Галину Егоровну. Александр хлопнул Василия по плечу так, что тот почувствовал поддержку на уровне позвоночника.

Павлов подошёл последним.

— Теперь придётся действительно посчитать ваш вариант.

— Да, — сказал Василий.

— Он может не сойтись.

Василий посмотрел на людей, которые поздравляли друг друга.

— Может.

Это слово не поместилось бы на победном плакате. Но именно с него теперь начиналась работа.

22 Победа с неоплаченным счётом

На следующее утро в городской группе написали: «Жители отстояли библиотеку».

Галина Егоровна распечатала сообщение, посмотрела на него и убрала в ящик.

— Почему не повесите? — спросила Катя.

— Потому что библиотека пока отстояла сама себя на две недели. Мы ей помогли постоять.

Но настроение всё равно было праздничное. Раиса Семёновна принесла пирог. Александр явился с настоящим уровнем, чтобы окончательно разобраться со столиком. Серёжа впервые сам предложил показать видео младшей сестре.

Через час позвонили из хозяйственного отдела и сообщили, что ремонт крыши временно откладывается, пока не утверждена конфигурация проекта.

Галина Егоровна медленно положила трубку.

— Это они мстят? — спросила Катя.

— Не знаю.

— Очевидно же.

— Очевидно мне сейчас только то, что крыша течёт.

Василий позвонил Зое Семёновне. Выяснилось, что закупка действительно была связана с общим пакетом работ. Отдел не придумал остановку в ответ на протест: он не подготовил отдельного варианта заранее. Результат для библиотеки был почти таким же, но разница имела значение, если они хотели что-то изменить.

— Давайте отделим срочный ремонт, — сказал Василий.

— На каком основании?

— На основании того, что дождь не участвует в рабочей группе.

Начальница вздохнула.

— Пришлите акт и фотографии. Попробуем.

Слово «попробуем» звучало слабее обещания. Василий всё чаще замечал, что именно после него иногда начиналась настоящая работа.

Днём в библиотеку пришла Ольга, сотрудница подрядчика, которая должна была обучать пользователей новой системы. Она несла папку с договорами и выглядела так, будто всю дорогу готовилась к неприятному разговору.

— Я у вас теперь главный враг, да?

Галина Егоровна предложила ей чай.

Ольга рассказала, что в проекте были оплачиваемые часы обучения для пожилых посетителей. Если весь пакет отменят, этой работы не будет. Она сама в прошлом году помогала матери освоить запись к врачу и понимала, сколько времени отнимает одна простая кнопка, когда человеку страшно нажать не туда.

— В комментариях написали, что мы хотим заменить людей железками. А меня как раз наняли, чтобы рядом с железками был человек.

Василий почувствовал знакомый укол. Короткий пересказ их собственной борьбы уже начал убирать из противной стороны людей, которых неудобно было считать противниками.

— Мы не против обучения, — сказал он.

— Тогда скажите это там же.

Он согласился.

Александр предложил Ольге посмотреть старый компьютер.

— Он нас иногда проверяет на устойчивость убеждений.

Ольга открыла настройки, убрала ненужную программу из автозапуска и показала Галине Егоровне, как увеличивать текст.

Это заняло десять минут. Никакой идеологической капитуляции не произошло. После её ухода Катя долго молчала.

— Я тоже хотела написать про железки, — призналась она.

— Я знаю, — ответил Василий. — Я собирался одобрить.

Они сели составлять новое сообщение. В нём говорилось, какие изменения клуб поддерживает и какие условия хочет сохранить. Получилось менее воинственно. Комментариев было мало.

— Скучная победа, — сказала Катя.

— Зато Ольга узнает себя.

Вечером дождь усилился. Галина Егоровна поставила под протечку ведро. На дне звенели первые капли.

Серёжа снял это на телефон и спросил, можно ли выложить.

— Можно, — сказала она. — Только без музыки про гибель цивилизации. Напиши: течёт крыша, нужен ремонт.

Он послушался.

К утру нашёлся специалист, готовый помочь с обследованием. Ему не потребовалось верить в конец культуры. Достаточно было увидеть мокрый потолок.

23 Что стоит бесплатный стул

Рабочая группа собралась в комнате с овальным столом. Василий впервые оказался на совещании, где хотел досидеть до конца не из осторожности, а из интереса.

Кроме него, Галины Егоровны и Павлова, пришли финансист, инженер, представитель районного совета, Ольга и Анатолий Петрович. Катя участвовала как представитель пользователей. Её записали в протоколе «активная молодёжь». Она попросила указать имя.

Сначала все согласились, что библиотека нужна.

Это заняло три минуты.

Потом начали обсуждать, какая именно.

Это заняло три часа и разрушило первое впечатление о достигнутом согласии.

Фонд нельзя было оставить целиком без ремонта помещения. Сотрудников не хватало для увеличения времени работы. Доставка из хранилища стоила денег. Новые компьютеры требовали обслуживания. Ольгины часы обучения были ограничены. Сохранить всё старое и добавить всё хорошее новое можно было только в презентации, где расходы легко помещаются в слово «ресурсы».

Анатолий Петрович принёс таблицу. В ней были три варианта и пустые клетки там, где данных не хватало.

— Пустые клетки надо заполнить, — сказал представитель совета.

— Когда получим цифры, — ответил Анатолий Петрович.

— Сейчас выглядит неподготовленно.

— Сейчас и есть неподготовлено.

Василий внутренне поаплодировал. Вслух не стал: совещание и без этого двигалось трудно.

Галина Егоровна предложила временно сократить число мероприятий, чтобы сотрудники могли помогать посетителям. Представитель совета возразил, что по мероприятиям отчитываются.

— По помощи не отчитываются? — спросила Катя.

— Отчитываются, но не так.

— А людям как?

Представитель совета откинулся на спинку стула. Он не был злодеем. Просто слишком давно видел учреждение через формы, которые приходилось заполнять.

Инженер объяснил, какие стеллажи можно оставить, где потребуется проход, сколько мест реально поместится. Александр, приглашённый только на техническую часть, внимательно слушал и один раз возразил. Инженер показал расчёт. Александр согласился.

Василий заметил, как спокойно это произошло. Никто не потерял достоинство из-за того, что измерение оказалось точнее первоначального предположения.

Когда дошли до компьютеров, Павлов предложил сократить дорогую демонстрационную панель и оставить несколько обычных рабочих мест.

— В презентации панель была центральной, — напомнил финансист.

— В помещении центральным должен быть проход, — сказал Павлов.

Катя посмотрела на него с удивлением.

К концу встречи получился временный вариант: сохранить открытый фонд в отремонтированной части, не вывозить редкие и часто используемые на месте материалы без отдельного решения, оставить рабочие столы, добавить помощь с электронными сервисами, проверить востребованность новых услуг на ограниченном этапе.

Василий почувствовал облегчение. Потом финансист назвал сумму, на которую расчёт пока не сходился.

Облегчение село обратно.

— Волонтёры? — предложил представитель совета.

Ольга покачала головой.

— Волонтёр может помочь. Нельзя строить постоянную обязанность на предположении, что кто-нибудь бесплатно придёт каждый вторник.

— Но жители заинтересованы.

— Заинтересованный человек тоже работает и болеет.

Василий вспомнил бесплатный стул. Кто-то платил за помещение, свет, уборку и время сотрудника, который не требовал от посетителя покупать кофе. Бесплатность для пользователя не означала отсутствия стоимости. Она означала, что стоимость распределили иначе.

— Давайте так и объясним, — сказал он. — Что именно нужно оплачивать и почему.

Представитель совета поморщился.

— Людям цифры неинтересны.

Раисы Семёновны на встрече не было, но Анатолий Петрович почему-то посмотрел так, будто она незримо встала у него за плечом.

— Проверим, — сказал он.

24 Список прочитанного имущества

Раиса Семёновна принесла в библиотеку три пакета книг.

Пакеты были тяжёлые. Андрей помог донести их от остановки и по дороге дважды спросил, нет ли там кирпичей. Раиса Семёновна ответила, что местами есть, но в переносном смысле.

— Хочу отдать, — сказала она Галине Егоровне. — Если возьмёте.

В пакетах лежали энциклопедии, романы, пособия по ведению хозяйства и несколько книг о воспитании счастливых детей. У всех были строгие обложки. Детям на обложках, судя по выражению лиц, пока не сообщили о содержании.

— Это мужа, — объяснила Раиса Семёновна. — Он собирал.

Василий не знал, что её муж умер три года назад. Она говорила о нём с таким живым раздражением, что он казался временно отсутствующим.

— Вы уверены? — спросила Галина Егоровна.

— Не во всём. Но в пакетах уже уверена.

Они перебрали книги. Часть библиотека могла принять, часть не подходила по состоянию или уже была в нескольких экземплярах. Галина Егоровна объясняла это осторожно.

Раиса Семёновна кивала.

— Я думала, нельзя расставаться. Как будто раз книга в доме, ты уже взяла обязательство стать тем человеком, который её прочтёт.

Она достала толстый том.

— Вот этот мы купили двадцать лет назад. Муж сказал: это должно быть в каждой культурной семье. С тех пор никто не открывал. Зато переезжал он с нами культурно и очень тяжело.

Василий вспомнил собственную полку. Там тоже стояли книги, выбранные для будущей версии себя. Та версия должна была вставать раньше, знать историю искусств, свободно обсуждать философию и не уставать к вечеру. Она пока не въехала, но имущество уже хранилось.

— А что оставите? — спросила Катя.

Раиса Семёновна показала небольшую поваренную книгу с пятнами.

— Это. Он по ней один раз пытался сделать пирог. Не получилось. Но на полях написал: «Не верить времени выпечки. Автор живёт в другой духовке».

Она улыбнулась.

Никто не предложил выбросить книгу из-за пятен.

Потом нашли том, в котором лежала засушенная веточка. Раиса Семёновна не вспомнила, откуда она. Хотела оставить, потом решила не оставлять.

— Не всё, что я забыла, обязано занять отдельную полку.

Василий посмотрел на неё с удивлением. Он столько лет боялся потерять след отца, что почти не различал память о человеке и склад предметов, к которым было страшно прикоснуться.

Вечером он разобрал одну полку дома.

Не всю библиотеку. Не жизнь. Одну полку.

Книги он разделил не на хорошие и плохие, а на те, к которым хотел вернуться, те, которые были полезны сейчас, и те, которые держал только из стыда. Последнюю стопку оказалось труднее всего признать.

Он не стал избавляться от неё немедленно. Поставил отдельно, чтобы решить позже без торжественной клятвы стать свободным от вещей.

Отцовский сборник остался на кухне.

Теперь Василий знал, почему оставляет его. Не потому, что обязан закончить отцовское предложение. Потому, что иногда хочет слышать смешной рассказ, над которым отец когда-то смеялся.

Он открыл книгу посередине. На полях был маленький крестик карандашом.

Василий прочитал отмеченное место. Рассказчик там очень серьёзно объяснял собственную нелепость.

Он рассмеялся. Потом вытер глаза и продолжил.

В тот вечер ему не понадобилось решать, от чего именно они намокли.

25 Краткое содержание чужой ошибки

Ольга принесла пробную версию электронного помощника.

Он умел искать в каталоге, объяснять правила и готовить краткие пересказы документов. На экране пользователю улыбался круглый персонаж с книгой. Александр сразу спросил, почему у персонажа нет ног. Ольга сказала, что это символ доступности. Александр решил не продолжать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.